

Жить мне удобней и выгодней в Москве

В августе композитору Александру ЖУРБИНУ исполнилось 60 лет. Однако он собирается серьезно отметить эту дату чуть позже — в октябре: в Москве и Петербурге пройдет масштабный театрально-музыкальный фестиваль "Пять юбилеев Александра Журбина", в котором прозвучат оперы, мюзиклы, симфонические и камерные произведения юбиляра.

— Почему такое название фестиваля?

— Да потому, что юбилеев, и правда, пять. Шестьдесят лет назад я появился на свет божий. Пятьдесят лет назад написал первое детское сочинение. Сорок лет назад стал заниматься музыкой серьезно: так называемое начало творчества. Двадцать пять лет тому назад я стал писать музыку для кино. Тридцать лет назад была поставлена моя зонг-опера "Орфей и Эвридика". С тех пор она прошла на сцене 2500 раз и идет до сих пор.

— Орфеем и Эвридикой были когда-то Альберт Асадуллин и Ирина Понаровская, проснувшись после премьеры знаменитыми...

— Сейчас поют другие исполнители. Впрочем, на юбилейном спектакле потрясет старинной Алик Асадуллин, а в роли перевозчика в царство мертвых Харона, как и 30 лет назад, выступит Богдан Вивчаровский.

— Когда-то вы признались, что в вашем блокноте — 25 тем для опер и мюзиклов. Была, в частности, "русская трилогия": Павел I, убийство народных вождями Александра II ("Нетерпение" по роману Трифонова) и последние предреволюционные годы — Распутин. Что из них вы успели написать и поставить?

— Только вторую часть "Нетерпение", поставленную в челябинском театре. Остальное пока не реализовано, хотя, кто знает, может, напишу когда-нибудь. Был в списке и "Одиссей". Вместо него на свет появился мюзикл "Пенелопа", посвященный Одиссеевой жене. Был "Отелло". Этот герой — точнее, антигерой, потому что у меня он чудовище, монстр, развратник и пьяница, — появится в балете "Дездемона", который я заканчиваю.

А. Журбин

В том блокноте, о котором вы вспомнили, была еще такая запись: "Что-нибудь по Достоевскому..." Недавно прошла премьера мюзикла "Униженные и оскорбленные" в Театре Гённа-дича Чихачева.

— Обратимся к юбилею номер два. Пятьдесят лет назад вы учились в музыкальной школе по классу виолончели. Чем был обусловлен выбор инструмента?

— Родители делать из меня профессионального музыканта не собирались, но, как это часто бывает в интеллигентных семьях, решили отдать в музыкальную школу. Там проверили мой слух, чувство ритма и спросили: "На каком инструменте хочешь играть?" — "На рояле". — А пианино дома есть? — "Нет". — Будешь играть на виолончели. Но виолончель придется купить". — "А сколько стоит?" — "Сто рублей". Родители вздохнули с облегчением: это было много дешевле, чем пианино. Виолончель была приобретена, я стал на ней играть и — полюбил этот инструмент. Музыка вскоре вообще вытеснила все прочие увлечения. Родители порой просто гнали меня во двор: "Иди поиграй в волейбол с мальчишками!" Но мне это было неинтересно. Я слушал пластинки: прелюдии Шопена, симфонии Бетховена, "Кармен" Бизе — и пробовал играть в унисон с мелодией. В пионерлагере овладел аккордеоном. Потом, наконец, мне купили пианино. Школы у меня не было никакой, я просто брал ноты — и играл Шопена, Рахманинова.

познакомился с руководителем ансамбля "Поющие гитары" Анатолием Васильевым и драматургом Юрием Димитриным. Весь мир тогда был очарован "Иисусом Христом — супер-звездой". И вот, сидя в крошечной квартире на Фонтанке, мы решили сделать что-то подобное — написать российскую рок-оперу на вечный сюжет об Орфее и Эвридике. Премьера прошла 15 июля 1975 года (незабываемая для меня дата!), на следующий день в газетах появились восторженные рецензии.

— Сколько у вас всего произведений этого жанра?

— Тридцать. У Эндрю Ллойда Уэббера, между прочим, четырнадцать.

— Довольно многие из них были написаны для вашего русского театра в Нью-Йорке...

— Театр назывался "Блуждающие звезды" и просуществовал девять лет. Мы с наслаждением рисовали декорации, играли, танцевали, пели, ездили на гастроли. Хотели даже съездить в Россию (не получилось). Это был чудесный период моей жизни. Для театра я написал мюзиклы "Молдаванка, Молдаванка", "Танго в сентябре", "Блуждающие звезды", "Камера обскура" (по Набокову) — в Москве он идет в Театре Луны под названием "Юби!". Премьерами у нас были Лена Соловей и первые три года — Борис Сичкин. Но ему было трудно: во-первых, возраст (семьдесят лет), во-вторых, не любил заучивать роли, он был виртуозом импровизации, в спектаклях сам себе придумывал тексты.

— Вы ведь уже много лет живете на два дома. Как вообще вы себя ощущаете в Америке?

— Однажды я удостоился большой статьи в газете "Нью-Йорк таймс". С фотографией! Это было чем-то невероятным! Ведь американцы искусством иностранцев, если это не разрекламированные до небес звезды, просто не замечают. А публикация в respected "Нью-Йорк таймс" — это и для любого американца почти несбыточная мечта. В той статье меня назвали талантливым русским композитором, рассказали о нашем театре, о мюзикле "How It Done In Odessa", поставленном в Филадельфии. Эта статья до сих пор — мой весомый козырь. Конечно, русские эмигранты меня знают и любят — они-то и были основной публикой моего театра.

— Писали ли вы в Штатах нетеатральную — симфоническую, камерную, хоровую — музыку?

— Хороший вопрос. Объясню почему. Да, серьезной музыки я там сочинил немало: Виолончельный концерт, квартет, кантату на стихи Иосифа Бродского, Третью симфонию, Скрипичный концерт. Меня в Штатах играют довольно много, хотя, конечно, не такие корифеи, как Филадельфийский или Чикагский симфонические оркестры, а коллективы посромнее, например симфонические составы Сан-Антонио или Санта-Фе в штате Техас. Все это радует. Но должен сказать со всей большевистской прямо-той, что никаких заработков это не дает. В лучшем случае оплатят самолет до Санта-Фе и гостиницу. Сыграли — и будь этому рад. В Америке композиторы живут, работая врачами, юристами, инженерами, даже фермерами. Из десяти тысяч членов ASCAP — авторского профсоюза, вроде нашего БААП, — зарабатывают музыкой всего три-четыре человека.

— А как же зарабатываете, пишу прощения, на хлеб вы?

— Работая продюсером. Организуя концерты, фестивали, в том числе Фестиваль русских фильмов в Нью-Йорке (ретроспектива фильмов Сокурова, фильм Германа "Хрусталева, машину!", картины Владимира Меньшова, Андрея Эшпаса). Выступаю как автор-исполнитель, преподаю. Кстати, именно проведя несколько кинофестивалей, я вдруг понял, что мне в Америке делать особенно-то и нечего. Зачем продюсировать кинорежиссеров? Мне самого себя надо продюсировать! А для этого необходимо вернуться домой. Конечно, за десять лет своей американской эпопеи я сотни раз бывал в России, я и сейчас приехал всего на два дня. Я летаю туда — обратно по пять-шесть раз в год, постоянно нахожусь в состоянии, которое называется по-английски Jet Lag — ощущение усталости, связанное с переменной часовых поясов. Вещь это довольно болезненная. Я люблю Америку, многому там научился, получил бесценный опыт. Но, несмотря на все ее плюсы, мы тут эмигранты, все-таки люди с обочины. Жить мне сейчас и удобней, и даже выгодней в Москве. Большая квартира на Малой Дмитровке, много друзей: телефон звонит, не умолкает. Мне постоянно заказывают музыку. У меня здесь нормальная, счастливая рабочая жизнь.

Беседу вел
Аркадий ПЕТРОВ
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ